

Ань Ин поддерживал Ся Ланя, ведя его в опочивальню, и всю дорогу чувствовал, как сильно дрожит человек в его руках.

Лунный свет пробивался сквозь листву персиковых деревьев, освещая слезы, непрерывно катившиеся из глаз Ся Ланя. Они падали на воротник, оставляя темные влажные пятна.

Ань Ин был в полном смятении.

Он следовал за своим учителем больше десяти лет и видел, как Лань Юйянь даже глазом не моргнул, когда его духовная энергия вышла из-под контроля во время тренировки. Видел, как он сражался, истекая кровью, защищая секту от вторжения чужаков. Даже когда много лет назад небесная молния ударила его прямо в плечо, он лишь нахмурился и стер кровь.

Но чтобы он так плакал — обмякнув всем телом, срываясь на всхлипы, — такого Ань Ин еще не видел.

Боги, насколько же сильно его избили?

— Учитель, потерпите немного, мы почти пришли, — прошептал Ань Ин тише дуновения ветра. Его руки, поддерживающие наставника, невольно сжались крепче, словно он боялся, что от малейшего прикосновения тот рассыплется.

С великим трудом добравшись до опочивальни, Ань Ин бережно усадил Ся Ланя на кушетку. Он уже собрался позвать лекарского помощника, но Ся Лань вцепился в его рукав.

— Не надо... никого не зови, — голос Ся Ланя охрип, а веки покраснели, как у кролика. — Просто ты... помоги мне нанести мазь.

В таком жалком виде он не хотел показываться посторонним.

Ань Ин на мгновение опешил, а затем решительно кивнул:

— Хорошо, я сам все сделаю.

Он принес лекарство и чистые бинты. Обернувшись, он увидел, что Ся Лань пытается развязать пояс на спине, закусив губу. Но стоило ему пошевелиться, как раны отозвались болью, и он тихо вскрикнул, снова роняя слезы.

Ань Ин поспешно отложил вещи и подошел ближе:

— Учитель, позвольте мне.

Его пальцы слегка дрожали, когда он осторожно развязывал узлы и снимал пропитанное кровью нижнее одеяние.

Перекрещивающиеся следы от кнута выглядели ужасно: кожа распухла, а несколько глубоких ран, доходящих до мяса, продолжали кровоточить. Старые шрамы накладывались на свежие, превращая бледную кожу в жуткое зрелище.

Однако, взглядевшись, Ань Ин неожиданно выдохнул с облегчением. Взяв мазь, он произнес с едва уловимой ноткой радости:

— Все не так плохо, намного лучше, чем в прошлый раз.

Ся Лань, который как раз пытался перевести дыхание от боли, замер. Он недоверчиво обернулся, но от резкого движения раны снова пронзила острая боль, и он судорожно вдохнул:

— Что ты сказал? Не так плохо? Ты называешь это не так плохо?

Его спина горела так, словно по ней прошлись огнем, и каждое движение отдавалось тысячами иголок. И это считается легким наказанием?

Увидев, что он обернулся, Ань Ин поспешно прижал его за плечи:

— Учитель, не двигайтесь! — он набрал немного мази и осторожно нанес ее вокруг ран, действуя так бережно, словно касался хрупкого сокровища. — В этот раз Праотец использовал обычный Кнут из черного железа. Хоть и больно, но раны неглубокие. В прошлый раз, когда вы заступились за провинившегося ученика и перечили Праотцу, он пришел в ярость и использовал Кнут, Раскалывающий Душу. Вот это было по-настоящему страшно...

Голос Ся Ланя изменился:

— Кнут, Раскалывающий Душу? Что это такое?

— Это артефакт, который Праотец выковал из собственной духовной силы, — голос Ань Ина стал тише, в нем сквозил страх. — Кончик кнута пропитан ледяной аурой, пожирающей душу. Удар не только рвет плоть, но и заставляет саму душу корчиться от боли. И еще... — он замолчал, тон стал тяжелее, — на артефактах Праотца стоят особые запреты. Магией такие раны не исцелить, приходится терпеть, пока они не заживут сами.

Ся Лань окончательно остолбенел.

Рвет плоть? Душа болит? И магию использовать нельзя?

Он посмотрел на свои покрасневшие ладони, снова вспомнил жгучую боль в спине, и чувство отчаяния накрыло его с головой. Он-то думал, что нынешняя порка — это адский уровень сложности, а оказалось, что это еще цветочки?

Как же жил Лань Юйянь раньше? Это не совершенствование, это сплошные пытки!

— Значит... меня раньше часто так били? — голос Ся Ланя дрожал.

Ань Ин замер, поднял глаза и посмотрел на него с нескрываемой жалостью:

— Учитель, вы что, от боли бредите? У вас характер упрямый, вечно вы спорите с Праотцом. Бывало, после таких наказаний вы по полмесяца с постели не вставали...

Он осекся, поняв, что сболтнул лишнее, и поспешно принялся за бинты:

— Простите, я не то имел в виду...

Ся Лань больше не ответил, лишь тупо уставился в балдахин.

Система: Обнаружено, что эмоциональное состояние хоста близко к коллапсу из-за воздействия воспоминаний. Внимание! Текущее состояние препятствует выполнению задания. Пожалуйста, немедленно придите в норму!

Прийти в норму? Ему сейчас хотелось просто исчезнуть!

Эта дурацкая Система, наверное, лгунья! Какая еще концовка, где его все любят? Похоже, это бесконечный цикл избиений!

Ань Ин, видя, что учитель замолчал, решил, что тому стало хуже, и начал бинтовать еще нежнее, приговаривая:

— Учитель, впредь не перечьте Праотцу. Он ведь желает вам добра...

Ся Лань обессиленно хмыкнул.

Желает добра? Разве это добро? Да это же высшая степень манипуляций феодального патриарха!

Наконец закончив с перевязкой, Ань Ин помог Ся Ланю лечь, укрыл его одеялом и только тогда выдохнул:

— Отдыхайте, Учитель. Я буду в соседней комнате, если что-то понадобится — зовите.

Ся Лань кивнул с закрытыми глазами. Мазь давала прохладу, немного облегчая боль, но отчаяние никуда не делось.

Когда он уже почти провалился в сон, снаружи послышались шаги и мягкий мужской голос:

— Юйянь спит? Я пришел его провести.

Сердце Ся Ланя пропустило удар.

Этот голос... дядя Сюань Цин?

Тот самый лицемер из оригинальной истории, который за маской учтивости скрывал стремление воспользоваться чужой слабостью?

Он резко открыл глаза и увидел, как Ань Ин с нахмуренными бровями вышел из опочивальни:

— Дядя, Учитель только что уснул, он ранен...

— Я знаю, — голос Сюань Цина оставался мягким. — Я только что от Праотца, до меня дошли слухи, вот и решил заглянуть. Не волнуйся, я лишь взгляну и не стану мешать его отдыху.

Не успел он договорить, как в комнату вошла фигура в лазурных одеждах.

Сюань Цин держал в руках веер из нефритовых костей, на губах играла легкая улыбка. Он выглядел как благородный молодой господин из знатного рода. Но стоило Ся Ланю вспомнить, как в оригинале тот пользовался ранением Лань Юйяня, чтобы якобы заботиться о нем, а на деле затащить в постель, как по его спине побежали мурашки.

Система: Обнаружен ключевой персонаж Сюань Цин. Уровень симпатии растет (вердикт: забота, подобная братской).

Ся Лань: ...

Братская забота? Не верю!

Сюань Цин подошел к кушетке, его взгляд упал на перебинтованную спину Ся Ланя, брови слегка нахмурились:

— Твой учитель все так же не знает меры. — Он повернулся к Ань Ину: — Мазь сменили?

— Да, дядя, только что, — ответил Ань Ин.

Сюань Цин кивнул, достал из рукава маленький нефритовый флакон и протянул его Ань Ину:

— Это мазь на меду снежного лотоса. Она творит чудеса при таких ранах. Наноси ее учителю каждые два часа.

Ань Ин взял флакон, удивленно прошептал:

— Благодарю, дядя. Но... как же запреты Праотца?

— Не волнуйся, эта мазь не лечит раны, лишь успокаивает дух и снимает боль, — Сюань Цин улыбнулся и снова посмотрел на Ся Ланя с искренней заботой. — Юйянь, отдыхай. Обо всем остальном поговорим завтра.

Ся Лань молчал с закрытыми глазами, хотя в душе у него звенели тревожные колокола.

Началось! Это же излюбленная тактика Сюань Цина из книги! Сначала растопить сердце заботой, а потом нанести удар!

Он чувствовал, как взгляд Сюань Цина задержался на его лице, словно проверяя что-то. Прошло немало времени, прежде чем послышались шаги уходящего:

— Я пойду. Ань Ин, присмотри за учителем как следует.

— Слушаюсь, дядя.

Только когда дверь закрылась, Ся Лань смог вздохнуть спокойнее, хотя раны на спине, казалось, заныли с новой силой.

Ань Ин подошел к кушетке. Увидев, что наставник сжимает зубы, он поспешно сказал:

— Учитель, я сейчас же нанесу мазь, которую дал дядя.

Ся Лань покачал головой, его голос звучал устало:

— Не надо, я хочу поспать.

У него не осталось сил даже на то, чтобы поддерживать светскую беседу.

Ань Ин перестал настаивать и лишь приглушил свет ночной жемчужины:

— Тогда я буду ждать в соседней комнате. Если что — зовите.

Ся Лань ответил коротким мычанием и закрыл глаза.

В темноте боль в спине переплеталась с отчаянием в сердце. Впервые он всерьез усомнился, удастся ли ему вообще выжить в этом мире, не говоря уже о выполнении проклятого задания.

Праотец — феодальный патриарх, признающий только телесные наказания; Повелитель Демонов — дипломат-пацифист; ученики — наивные кролики, а теперь еще и лицемерный дядя превратился в заботливого братца...

Этот мир — настоящее наказание для него, заядлого любителя яоя!

Ся Лань постепенно погрузился в сон, полный боли и тревожных мыслей. Сон был беспокойным: ему всюду мерещились удары кнутов и окрики.

А Ань Ин, сжимая в руке нефритовый флакон, смотрел на смутный силуэт за пологом кровати. Его взгляд был полон сомнений.

Ему казалось, что учитель в этот раз стал каким-то другим.

Раньше, получив наказание, Учитель запирался в покоях, стискивал зубы и терпел, либо уходил в тренировки с головой, либо погружался в дела секты. Он никогда не плакал и не показывал такой явной слабости.

Словно он внезапно сбросил свою жесткую оболочку, обнажив мягкое нутро.

Ань Ин сжал кулаки, и в голове его была лишь одна мысль: нужно тренироваться еще усерднее, стать достаточно сильным, чтобы защитить Учителя и не позволить ему больше терпеть такие унижения.

<http://bllate.org/book/21785/2253007>